

МАРКСИСТСКОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Одна из главных задач школы—выработка у учащихся цельного и последовательного марксистского мирозерцания. Новые программы и новые методы обучения, без сомнения, приблизят осуществление этой задачи. Но главная трудность не в программах и не в педагогических приемах—*трудность в детальной переработке всей массы учебного материала под углом зрения диалектически-материалистического метода*. Чтобы овладеть этим методом, педагогу придется много поработать, во-первых, над собой, во-вторых, над учебным материалом.

Что касается словесника, то он оказывается в настоящее время в особенно невыгодном положении: марксистских работ по литературе совсем мало; преподавание всегда страдало невыдержанностью основных точек зрения, идеалистическо-интеллигентским привкусом, потому что преподаватель оказывался в плену популярных пособий (Иванов-Разумник, Котляревский, Овс.-Куликовский, Гершензон). Поэтому, мне кажется, не бесполезным в настоящей статье напомнить словесникам основные принципы обязательного в советской школе так называемого *социологического подхода* к изучаемому материалу.

Литературные произведения не есть явления обособленные, зависящие всецело от творческого каприза их авторов. Эту мысль высказал еще Тэн; в своих «Лекциях об искусстве» он указал, что творения человеческого духа подобно произведениям природы могут быть поняты лишь в связи с окружающей их средой: для того, чтобы понять данное художественное произведение, нужно изучить «моральную температуру», его окружающую, т. е. мировоззрение общества и его нравы.

Но чем определяются свойства социальной среды, окружающей данного художника?—Состоянием производительных сил, состоянием экономки—учит нас марксистская социология.

Над экономикой существуют различного рода надстройки—одни из них непосредственно обуславливаются хозяйством (классовое расслоение общества, организация власти), другие, так называемые идеологические надстройки, имеют с экономикой более тонкую связь (религия, философия, искусство). *Литература, как одно из искусств, представляет собой, следовательно, идеологическую надстройку над экономической базой.* «На разные манеры, прямо или косвенно, непосредственно или

через многочисленные промежуточные звенья искусство определяется и притом с разных сторон экономическим строем и уровнем общественной техники»¹⁾.

При изучении любого литературного произведения *главная задача преподавателя вскрыть его связь с социально-экономическими отношениями эпохи*, показать его обусловленность, проследить его генезис. В этом состоит сущность социологического метода в литературе, метода, имеющего огромное значение для выработки научного мировоззрения и политического просвещения учащихся.

Чтобы не быть голословным, приведу самый простой пример. Пусть мы познакомим учащихся с «Павловскими очерками» — Короленко, художественно воспроизводящими быт кустарей. Чем обуславливается несчастная жизнь кустарей? Экономической структурой России в 80—90 г.г. прошлого века. Этот период характеризуется чрезвычайно интенсивным развитием русского промышленного капитализма. Цены на павловские изделия неуклонно падают, потому что начинают диктоваться фабрикой; норма общественно-необходимого труда для производства того или иного изделия начинает определяться фабрикой. Чтобы не погибнуть, кустарь удлиняет свой рабочий день, втягивает в работу всю семью и все-таки влачит жалкое существование. Здесь виноват не тот или иной скупщик с его злой волей, а общие роковые для кустарей экономические условия. В такой, примерно, беседе преподаватель должен выяснить учащимся социальный смысл данного произведения Короленко.

Художественная литература отражает окружающую среду, конечно, сквозь призму психологии и идеологии писателя. Отсюда вытекает необходимость для полного понимания произведений, знакомиться с биографиями писателей, их классовым происхождением, классовыми симпатиями, общим мировоззрением и т. д. «Вникая в процесс создания литературных произведений, как и произведений других искусств», говорит академик В. Н. Перетц: «не можем отрицать того, что принадлежность художника к тому или другому классу, его классовые симпатии неизбежно отражаются в его творчестве. Даже прославленный своей «объективностью» (совершенно мнимой) летописец повествует только о событиях, важных для князей и духовенства, игнорируя воспроизведение сторон жизни смерда, простопародья»²⁾. *Литература, если она действительна, если она не хочет быть простым украшением, орнаментом, всегда в той или иной мере является агитационным средством в руках того или иного класса или группы.* Однако, при определении классовой тенденции писателя нужно быть очень и очень осторожным. Нельзя, например, по одному происхождению считать писателя представителем определенного класса. Разве Тургенев, Некрасов, Герцен были представителями дворянской литературы? Они никогда не были крепостниками, наоборот, они давали свои Аннибаловы клятвы до конца бороться с крепостным правом, они поднялись над своим классом, подверглись влиянию других общественных слоев; они стали интеллигентами, а интеллигент, как известно, редко представляет собой чистый классовый тип — чаще всего он стоит на перепутьи между несколькими классами, иногда совершенно отрывается от своего класса и борется за интересы другого. Таковы многие наши революционеры (Перовская, Фигнер, Крапоткин и др.).

Но сказать, что, например, в Тургеневе не было ничего дворянского тоже нельзя: он весь пропитан дворянской средой, поэзией «дворянских гнезд», настроениями теряющего под ногами почву барства. Как же тогда объяснить Тургенева? Марксистское истолкование в данном случае должно состоять в определении всех этих наслоений, влияний (дворянского, буржуазного, народнического) и их комбинаций. Следовательно, здесь дело обстоит не так просто, как кажется с первого взгляда.

Задачу критика-марксиста очень хорошо определяет А. В. Луначарский. «Марксистский анализ», — говорит он, — «заключается не в том, чтобы для каждого

¹⁾ Н. Бухарин. Теория исторического материализма 1921 г. Стр. 224.

²⁾ Ведение литературных кружков в рабочих клубах. Ленинград, 1924 г. Стр. 10

литератора и литературного произведения находить целостный и чисто классовый базис, а в том, чтобы часто в смятении и разнообразии, даже иногда в муту данного произведения, данного автора, найти те линии, те элементы, те лучи, которые перекрещиваются здесь, исходя из разных классов. Только при таких условиях вы сможете все явления, какие ни есть в области литературы, в конце концов свести к классовой борьбе и разложить их нашими реактивами классового марксистского анализа»¹⁾.

Возьмем для иллюстрации вышеизложенного пример из новой литературы. Пусть мы разбираем «Мать» — Горького, произведение, рисующее быт и борьбу рабочего класса. Это произведение написано в 1906 г. и в его основу положены нижегородские и сормовские наблюдения автора эпохи 1901—1902 г.г. Можно ли однако найти в этом романе подлинно пролетарскую идеологию? Едва ли. И. Н. Кубиков в своей книге «Рабочий класс в русской литературе» отвечает на этот вопрос отрицательно. В самом деле, — Горькому в то время, очевидно, был понятнее не законченный рабочий-социалист, а тип промежуточный, не порвавший еще связи с деревней, «правдоискатель», выдвигающий сентиментальную идею всеобщего примирения. Таковы — Рыбин («Мать»), Левшин («Враги»), Фома Вараксин («Романтик»). Чем это объясняется? — Несомненно, биографией Горького, который не был рабочим определенной фабрики или завода, а был знатоком, главным образом, уездной, «окуровской» Руси, которую он хорошо изучил во время своих бесконечных скитаний. В уездной России Горький наряду с тупыми обывателями встречал нередко и «правдоискателей»-романтиков, мечтателей на подобие Симы Девушкина («Городок Окуров»). Черты этого типа писатель перенес и на рабочих, что, конечно, повредило верности изображения. Нужно отметить, однако, что в повести «Мать» есть и блестящие страницы, например, изображение нижегородской первомайской демонстрации 1902 г., а быт сормовских рабочих той эпохи изображен очень верно. Таким образом в повести «Мать» можно отметить две тенденции — пролетарскую и уездно-окуровскую, строго реалистическую и сентиментально-романтическую.

Развитие или упадок производительных сил, эволюция экономических форм ведет за собой также эволюцию литературных форм и стилей в искусстве. Выясняя ученикам зависимость различных литературных течений от экономической базы, полезно литературу ставить в связь с другими искусствами и надстройками, делая ее частью общей философии культуры. Допустим, что по обществоведению приходится отдел о торговом капитализме. Тогда словеснику необходимо, по-моему, познакомить учащихся с культурой эпохи Возрождения — с литературой (отрывки из «Декамерона», Рабле, Шекспир), с живописью, скульптурой, архитектурой. Общие черты жизнерадостности, полноты сил, эмансипации от церковного гнета присущи всем искусствам этой эпохи — совокупность этих черт образует так называемый стиль Возрождения. Этот стиль отчасти переносится и в Россию в эпоху Петра Великого, которая тоже характеризуется господством торгового капитала.

Обусловленность литературных направлений экономическими причинами необходимо подчеркивать и при изучении новейшей литературы, на которую переносится центр тяжести в новых программах. Укажу для примера социальные корни русского символизма. Промышленный подъем 90-х годов, мощное развитие капитализма заставили часть русской интеллигенции сменить свои народнические вехи и примкнуть к кренущей буржуазии. Нарождалась буржуазная интеллигенция (процесс ее зарождения изображен, например, в романе Боборыкина «Перевал»). Эта интеллигенция, освобождавшаяся от старых традиций долга перед народом, пытается

¹⁾ А. Луначарский. История западно-европейской литературы в ее важнейших моментах. Часть I. Москва, 1924 г. Стр. 143.

создать свою индивидуалистическую идеологию (увлечение нищезащитом и вообще идеализмом) и свою поэзию. Публицистике, идее общественного долга, натурализму, господствовавшим в народнической литературе 70—80 г.г., противопоставлялись—общественный индифферентизм, аморальный эстетизм, импрессионизм. Такова была социальная подкладка новых литературных течений 90 г.г., так происходило то «обуржуазивание» русской литературы и русской интеллигенции, о котором говорит тов. Троцкий в своей книге «Литература и революция».

Но ведь все литературные направления—классицизм, сентиментализм, символизм и т. д. шли к нам с Запада: всем известно, как сильно было «западное влияние» в русской литературе. Как же быть с социологическим методом в случае международных влияний? Нельзя ли многое объяснить здесь просто подражательностью? При чем же тогда экономическая база, среда—все эти предпосылки нашего метода? Послушаем, что говорит по этому поводу Плеханов: «*Влияние литературы одной страны на литературу другой прямо пропорционально сходству общественных отношений этих стран. Оно совсем не существует, когда это сходство равняется нулю*»¹⁾.

Из этого ясно, что подражание никогда не бывает беспочвенным: перенимается только то, что обусловлено состоянием социальной среды. Подкрепим сказанное литературным примером.

Сентиментальный правоучительный роман возник в Англии в XVIII в., как выражение идеологии крениущей буржуазии. Рост личности, трезвое практическое отношение к жизни, простота и патриархальность нравов среднего буржуа—все это выразилось в чувствительности, реализме, правоучительности английского семейного романа.

К концу XVIII в. среднее сословие, конечно, не такое крепкое, как в Англии, обозначилось и в России, так что и у нас нашлась опора для сентиментализма. Появилась «Бедная Лиза»—Карамзина. Однако, наш сентиментализм отличается от английского. Помещику Карамзину была чужда мещанская среда, ему были знакомы только два класса—дворяне и крестьяне, их он и выводит в своей повести в лице Эраста и Лизы. Нет в повести и полного реализма: его не допускал аристократизм Карамзина. Лиза совершенно не похожа на обыкновенную крепостную девушку—это «барышня-крестьянка», отец ее «зажиточный поселянин», похожий на однодворца. Так преломился в русской действительности английский сентиментализм.

Изучая идеологические надстройки и их зависимость от экономики, нельзя упустить из виду того, что идеи, чувства и верования, разветвляясь все более и более, переплетаются и сочетаются между собой и по своим собственным законам, которые, однако, приводятся в действие внешними обстоятельствами; на это явление указывает Плеханов в своей книге «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». *Новая идеологическая форма часто создается не в прямой зависимости от своей экономической базы, а по принципу противоречия, противоположности старым традициям* и лишь впоследствии, когда несколько охлаждается пыл борьбы, крайности сглаживаются, и новая идеология вступает в полное соответствие с породившей ее средой. Примеров из истории литературы можно привести сколько угодно. Так, «разрушение эстетики» 60-х годов нельзя выводить из антихудожественной сущности разночинца—это течение явилось лишь реакцией против красоты барской литературы предшествующего периода; анти-эстетическая базаровская струя была, конечно, явлением временным и объяснялась ненавистью радикала-разночинца ко всему барски-либеральному.

Нельзя не отметить также *процесс обратного влияния надстроек на экономический базис*, процесс, протекающий, конечно, в рамках основной закономерности, которая определяется зависимостью внутреннего строения общества от состояния

¹⁾ Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю 1919 г. Стр. 155.

производительных сил. Общеизвестна, например, значительная общественно-агитационная роль таких произведений, как «Записки охотника», «Хижина дяди Тома», «Николай Никльби», песни Беранже и т. д.

В заключение я укажу вышедшие в последние годы, известные мне, критические пособия, которые помогут марксисту-словеснику при анализе новейшей литературы, при составлении вопросов, при выборе тем для рефератов и т. д.

В качестве полезного справочника может служить:

«Художественная литература в русской марксистской критике. Библиографический указатель. Составила Р. С. Мандельштам. Редакция и предисловие Н. К. Пиксанова. Саратов. 1921 г. (есть и другое, дополненное издание).

В этом пособии можно найти указатель критиков и критикуемых авторов, как русских, так и иностранных, при чем указаны не только отдельно изданные книги, но и все журнальные статьи.

По своей теме и строгому применению социологического метода выделяется книга И. Н. Кубикова «Рабочий класс в русской литературе». Изд. «Основа». Иваново-Вознесенск. 1924 г.

На фоне социально-экономических условий и рабочего движения в России второй половины XIX в. и начала XX в. автор выделяет ряд произведений Решетникова, Мамина-Сибиряка, Успенского, Некрасова, Короленко, Вересаева, Горького, Шмелева и др. Из новых рабочих писателей взяты Билик и Ляшко. Послеоктябрьская литература в этой книге освещена мало.

Очень много для понимания классовых тенденций русской и западно-европейской литературы дает известная книга Л. Троцкого «Литература и революция». Изд. «Красная Новь». Москва. 1923 г. Книга написана блестящим, образным языком, чрезвычайно содержательна и должна быть изучена словесником до последней страницы.

Следует отметить также «Очерки современной русской литературы» Георгия Горбачева. Ленинград. 1924 г. Автор в предисловии указывает, что эти очерки «связаны между собою, главным образом, попыткой применить марксистский метод к литературным явлениям». В этой книге много места уделяется современным литературным направлениям, В. Маяковскому, Пильняку, Эренбургу. Последняя глава захватывает революционную художественную прозу (Арсеева, Малашкина, Либединского, Семенова, Сейфулину и др.).

Необходима для преподавателя литературы также книга В. Львова-Рогачевского «Новейшая русская литература». Издание Центросоюза. Москва. 1923 г. В ней много фактического материала, дается общий очерк эволюции русской литературы за последнее столетие, ряд портретов отдельных писателей, начиная с Л. Толстого, Достоевского и Чехова, и кончая Есениным и Блоком. В конце книги приложена ценная библиография.

Следует рекомендовать и другую книгу Львова-Рогачевского «Поэзия новой России»; здесь рассматриваются крестьянские и пролетарские поэты.

Книги современных критиков-марксистов—Воронского «На стыке» и Когана «Литература этих лет» дают подробную оценку новых литературных явлений и часто излагают содержание отдельных произведений.

Могут быть полезны словеснику и такие пособия, как: Н. Поляк. «Указатель художественной литературы на социальные темы» и В. Невский. «Беллетристика на социальные темы».

Чтобы быть в курсе текущей литературной жизни, необходимо просматривать критические отделы «толстых» журналов: «Красная Новь», «Печать и Революция», «Звезда», «Жизнь», «На посту», еженедельника «Красная Нива» и двухнедельника «Прожектор».